

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 38

ИЮЛЬ

2019

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

МОЯ ЗЕМЛЯ

Молодой и беззаботный,
Вешней силою налит,
Я иду за выгон скотный
Мимо дремлющих раки.

Спит деревня, веки смежив,
Дымкой стелется туман.
Грудь разламывает нежность:
Сказка в явь, а не обман.

Но подойник звякнул звонко,
Заорали петухи,
И, не дав поспать девчонкам,
Матюгнулись пастухи.

Просто так, для связки слова.
День встречаю у ворот.
Здесь – земли моей основа,
Первый круг моих забот.

АВГУСТ

Бликует дальними зарницами
Грозой очищенный озон.
Вся жизнь прошла, как репетиция,
Как черновой её прогон.

О вечном мысли. До бессонницы.
Того, что было, не вернёшь.
В саду от яблок ветви ломаются
И зорит зреющая рожь.

УТРО

Стремглав несутся
Стрижи, разрывая
Воздух упругостью крыл.
И, облаков одеяло срывая,
Солнце проснулось
и день наступил!

*Иван Демидов,
Тверь*

«ПРОСТОРНОЕ ЗАВТРА»

Уезжая в прошлом году с поэтического фестиваля «Каблуковская радуга», его участники прощались до следующего июля. Привыкли, что восемнадцать лет на трое суток приветливо их встречал яблоневый сад возле сельской школы, директором которой был Владимир Ильич Львов, организатор и бессменный руководитель этого поэтического форума. Но зимой выяснилось, что минувшая встреча была последней.

И загрустили каблуковцы. Постоянными участниками фестиваля были и члены «Западного форпоста». Для некоторых именно это место стало своеобразным литературным институтом.

А 13 июля В. И. Львов пригласил на XIX Литературные встречи «Каблуковская радуга», посвященные 50-летию юбилею своей творческой деятельности.

Формат иной, место иное: не в саду села Каблуково, а в доме культуры на центральной усадьбе Каблуковского сельского поселения, но главное – встретились, пожали

руки, поделились творческими новостями. Поздравили Владимира Львова: кто со сцены в праздничном концерте, кто за дружеским столом.

К полувековому юбилею творческой даты и к приближающемуся в сентябре семидесятому дню рождения В. И. Львов издал четырнадцатую по счету книгу. Это первая книга прозы. Сборник «Просторное завтра» содержит рассказы, заметки, записки. О чем они? Вот как отвечает автор: «... об укладе жизни деревенской, о мечте нашей жить в старом по-новому, а не в новом по-старому». С книгой уезжал практически каждый гость.

Встреча удалась. Поэты и авторы песен о будущем не загадывали. Но уловив фразы выступавших на сцене руководителей администрации поселения и Калининского района на тему «что-то надо придумать на будущее», уезжали с надеждой – вдруг не последний раз. Ведь завтра, по утверждению В. И. Львова, просторное.

М. Петрова

Виктор ГОЛУБЕВ
(1946 – 2019)

Виктор Голубев родился в 1946 году и всю свою жизнь прожил в городе Нелидово.

В 1965 году окончил среднюю школу № 1. Работал на ДОКе электромонтёром. Представитель династии деревообработчиков. Отслужив в армии, вернулся на родное предприятие, где трудился долгие годы. Потянуло к творчеству. Стал писать картины, имел персональные выставки. Стихи о природе, охоте, рыбалке и обо всём, что близко, знакомо и любимо, начали у него появляться с 1995 года. Они издавались в местных периодических изданиях и сборниках нелидовских авторов.

Умер в 2019 году.

* * *

Укатилось от зимних стуж
В буйство красок и света,
В яркий солнечный душ,
И в дожди, и в рассветы,

И в шуршанье нескошенных трав,
В плоскодонность полей
бесконечных,
В шум могучий зеленых дубрав,
В щебетанье пичужек беспечных,

В гомон звонкий ребят на реке,
В гул шмелей над цветущим полем,
В дым костра, что горит вдалеке,
В крики чаек в бушующем море.

Укатилось от зимних вьюг,
И слоняется где-то,
Нам готовит подарков сундук –
Ну, конечно же, это – лето.

* * *

На рыбалку, на рыбалку.
Мысли в радостных мечтах:
Мне бы кресло там качалку,
Чтобы не устать в делах.

Не забыть бы все, что надо
На рыбалке. Ну, напасти!
Водку, сало, хлеб – не глядя.
Что ж еще? Забыл про снасти!

Полчаса уж на свободе,
Снедь сложил на берегу,
Побросал я снасти в воду,
За дровами побегу.

Время быстро пролетело,
Солнце клонится к закату,
Все здесь мне осточертело,
Захотелось к вам, ребята.

У пивбара соберемся,
Времени не тратя даром,
Пива от души напьемся,
О рыбалке побазарим.

Все понятно и верблюду:
Окунь, сом, налим, карась,
Я, ей богу, врать не буду,
Щука с руку сорвалась.

* * *

Синь земная, дай мне силы,
Чтобы в жизненном огне
До своей дойти могилы
На родимой стороне.

Чтобы не просить у Бога,
Черта чтоб не вспоминать,
Знать бы мне свою дорогу
И по ней всю жизнь шагать.

Чтоб не плакать о потерях,
Радость поделить на всех,
Хоть на печке, как Емеля,
Догонять мне свой успех.

Синь земная, дай мне силы,
Чтобы жить – не доживать,
Делать все, что сердцу мило,
Пить вино и хлеб жевать.

* * *

Языки костра слизывают холод
И целуют страстно щёки, нос и губы,
И костру неважно – стар ты или
молод –
Был бы лишь озябший и немного
грубый.

Легче дотянуться, языком
коснуться
К тем, кто, чуть озябнув, тянутся
к костру.
Только вольность эта может
обернуться
И ожогом знойным, в общем – не
к добру.

Языки костра вспыхивают ярко,
Освещая лица, всё, что есть вокруг.
Согревает всех он поцелуем жарким,
И ему неважно: враг ты или друг.

Сгрудившись по кругу – сидя, стоя,
лёжа –
Словно у телеги спицы в колесе,
Набродившись вволю и уставши тоже,
К маленькому чуду руки тянут все.

Он сполна одарит добротой и лаской –
Кто замёрз – и очень! кто слегка
продрог,
Он наполнит сердце мужеской
закваской.
Вот кто не придуманный, настоящий
бог!

* * *

Седые облака закрыли синеву,
А в зеркале реки – седые отраженья
Седых кустов, утративших листву,
В седой воде, застывшей без
движенья.

Седой туман не возбудит желанья
Пойти узнать, увидеть, наследить.
И не услышишь вновь ни ласки, ни
признанья,
Ничто не сможет ярко удивить.

Седая голова открыла в старость
дверь,
Седые мысли, вялость и забвенья,
Стремленье в никуда, оскомины
потерь,
Дорога тихая в страну «Уединенье».

Седые чайки глядят океан,
С седой волны взмывают, сея ветер...
Но не разбудит даже ураган
Желанья дальше жить на этом свете.

ГДЕ ЖИВЁТ САША

Дарья ГРЕБЕНЩИКОВА,
Торопецкий р-н, д.Шешурино

Дарья Гребенщикова родилась в Москве, окончила постановочный факультет Школы-студии МХАТ, 10 лет работала художником в Московском театре Ленком. Выпустила ряд спектаклей как художник по костюму в театрах страны. С 1992 года живет в дер. Шешурино Торопецкого района. Читателям она известна как автор книги «Дашуары. Дорога домой», выпущенной в издательстве «Ридеро» в 2018 году. Публикует свои рассказы, стихи, эссе и заметки в социальной сети Facebook, где у нее сложился постоянный круг читателей. Герои ее рассказов – односельчане, ее друзья, а также наши братья меньшие – коты и собаки. Есть циклы рассказов, посвященные театру, истории её семьи. Дарья замужем. Она, как все, кто живет в деревне, занята огородом, домом и хозяйством, а в редкое свободное время пишет свои рассказы и повести.

Была зима. Мела метель. Раздался звонок. Ступая по сугробам в тапочках, дошла до калитки. Стоял черный джип. Из джипа на меня смотрел мужик.

– Саша здесь живет? – спросил он, перекрывая вой ветра.

– Да, – сказала я, привычная ко всему.

– Я машину загоню, – сообщил мне мужик.

– Ага, – и я пошла домой.

Муж уже спал. Чего его будить, поду-

мала я. Завтра с утра и выпьют.

Мужик внес в тесные сенцы кучу зачехленных предметов. «Убивец», – мелькнуло в голове. «Чистильщик», – всплыло из триллера. Мужик, не протягивая мне руки, сказал:

– Александр. – Подумав, добавил, – Кириллович.

Я тоже себя обозначила:

– Олеговна. Дарья.

– Вы где спать будете? – я изобразила хозяйку, – есть диван на кухне, но там народа много. И есть диван на веранде, но там холодно.

– Покажите веранду, – сказал гость. Внес туда сумки и закрыл за собой дверь. Я постояла и спать пошла.

– Саш, –я растолкала спящего мужа, – он же замерзнет, на веранде всего плюс восемь.

– У меня спальник на гагачьем пуху, – отозвался гость из-за стенки.

– Вот видишь! – с досадой сказал муж, – вечно ты все преувеличиваешь.

– А озеро ему надо показать? – не унималась я.

– Это лишнее, – за стенкой всхрипнули, гость уже почти спал.

Больше мы Сашу Кирилловича не видели. Правда, муж через стенку утром его спросил:

– Завтракать будешь?

– У меня с собой, – и зашуршал, забулькал и завизжал молниями.

Впрочем, вечером, обходя с Левой и Симбой деревню, мы видели на озере палатку, наполненную теплым оранжевым светом, как китайский фонарик.

– Ловит! – уважительно говорил муж, – профи!

Через три дня гость, упаковав улов в холодильные сумки EZETIL, попрощался с нами.

– Спасибо, Саша, – сказал гость, – мне Бологовское озеро очень понравилась. Не врал Серега!

– Так у нас же – Наговское?

– А Бологовское?

– Дальше, одиннадцать километров...

– Так ты не Саша? – мужик поставил сумки на снег.

– Саша.

– Березкин?

– Кузнецов...

– Во, дела! А я и думаю, куда ты корову-то дел...

– Она рыбу ловит, – ответил муж, и Саша Кириллович уехал.

На веранде, на столе, сидела мышь и доедала надкушенную шоколадку.

ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА

В Тверской губернии и дам и девок столько...

Сочтешь нескоро всех Екатерин.

Здесь на балах гремят мазурка, полька,
И есть – без грома – праздник именин

У крепостных. И каждый дуб в дубраве,
И пошептавшийся с соседкой клён
Расскажут, как при всей скандальной славе

По-юношески Пушкин был влюблён

В Бакунину (так кони любят поле),
Как дон-жуанский список сочинял,
Мол, потому лишь, что душевной боли,
Она ж любовь и страсть, не изменял

Пожизненно. Стремительной Осуге
До сей поры рассказывают сны,
Какие грезились ему досуги
С Екатериной в качестве жены.

А нам... нам лишь угадывать пристало,
Спускаясь к молчаливым берегам,
Что двести лет назад не привлекало
Или, напротив, привлекало дам.

Тома нам настрочили пушкинисты,
Открыв чужие тайны и свои...
Но, слава Богу, Пушкин был неистов
В поэзии не меньше, чем в любви.

Поэзия... для взрослых – свет в окошке!
Свет молодых родительских сердец,
К стальному гению спешит на тонких ножках
С восторгом и с пустышкой птенец.

Татьяна Михайлова,
Тверь

* * *

Из деревни сквозняками их повыдуло,
Не сиделось в старой дедовой избе.
Простодушных деревенских город
видывал,
Переваривал и мерил по себе.

Не по вкусу – отгрынёт и сплюнет.
Голоден,
За других возьмётся, мало ли тетерь.
Неугодные, отвергнутые городом
И отравленные им, куда теперь?

Ветер носит их по свету, неприкаянных,
Износились души грешные до дыр,
Хоть куда приткнуться сиятятся
отчаянно:
Тот в бандиты, тот в рабы, тот
в монастырь.

Маргарита Петрова,
Андреаполь

Открытие

Как к такому пришла – не знаю,
И откуда явилось это:
Не поэты стихи сочиняют,
А стихи сочиняют поэтов.
Может, мысль эта вызрела поздно,
Но зато озарила полмира:
Не «Онегин» ли Пушкина создал?
И не «Гамлет» ли создал Шекспира?
Может, Демона дух печальный
Дарит Лермонтова потомкам...
И, лицо прикрывая вуалью,
Робко к Блоку ведёт Незнакомка.
И не надо особого слуха,
Чтоб услышать снова и снова,
Как везёт нас в Индию Духа
Заплутавший трамвай Гумилёва.
Мне случайно явилось это
Или вместе со мною зрело?
Да, стихи сочиняют поэта,
Чтобы имя его звенело.

*Ольга Сорокина,
Тверь*

В эпицентре листопада

1.
Ястребиное крыло
Улеглось на ветер жёсткий.
Там – лимонное тепло
Угасающей берёзки.

Там, над зрелой тишиной,
Разорвётся птичья нота.
Там холодный и сквозной
Сон осеннего болота.

Перебродит в небе муть,
И зима захлопнет двери...
Улетаешь? – В добрый путь!
Остаёшься? – Тёплый берег!

2.
Я мечту свою несу.
Чтоб сбылась, всего-то надо
Постоять в ночном лесу
В эпицентре листопада.

*Василий Рысенков,
Торжок*

ЧАРЫ ПРОШЛОГО

Эта история произошла довольно давно, когда я ещё ездил на родительских плечах. Отец с мамой и другом (дядя Саша Ефремов, насколько помню) решили посетить отцовскую родину и родню в Каменке, деревушке в двух десятках километров от Нелидова. Живописность этих мест до сих пор омрачается ужасом кровопролитных боев, если не боен, 1941-1943 годов по периметру Ржевского выступа. Эта тема отдельная, но без вздоха не вспоминается.

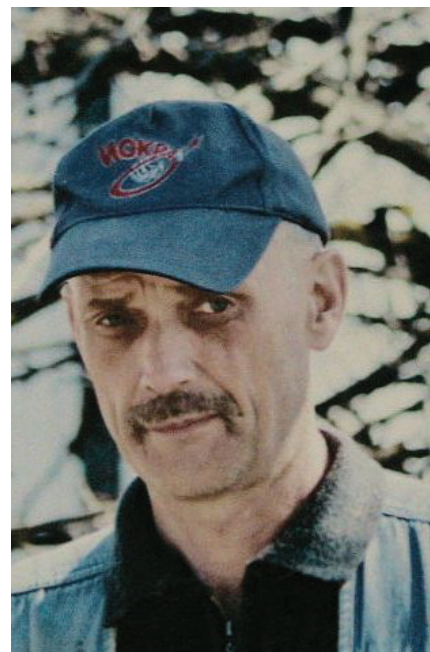
Автобус тогда ещё туда не ходил, поездка была такой: на вечернем поезде до станции Паникля и пеший переход, в котором я был в основном заплечным ездоком, через Сёлы до Каменки.

Удивительными для родителей и восхитительными для меня были мои воспоминания о неповторимом утре, которое я пережил назавтра. Время изменило эту местность, давно нет церкви на холме, нет мельничной плотины и, соответственно, нет чистейшего и холоднейшего озера или пруда, светлой жизнью своей обязанного святому источнику из-под церковного холма и деловитости мельников прошлого, даже нет избышки, где мы гостили.

Мои восхищенные воспоминания ставили родителей в тупик – я рассказывал о странных событиях, которых не могло быть наяву. В коротком пересказе взрослого человека это было так: просыпаюсь в избе и выхожу из неё прямо на юг. Что такое ПРАНА*, я осознал недавно, но прочувствовал именно тогда – дыхание было необычно легким, а вдыхаемый воздух имел какие-то другие характеристики. По едва заметному склону спускаюсь к озеру, где довольно гогочут плавающие гуси. Привязка к месту события такова – слева за озером из-за деревьев и церковного купола солнце золотило всё освещаемое.

«Слава, что ты такое рассказываешь, ведь церковь ещё в войну до фундамента разрушили!» – удивленно говорила мама. Много позже я узнал, что в церкви этой служил мой прадед по отцу, и наша фамилия отсюда.

Озеро и ветхую плотину в последний раз я видел летом, когда небольшой компанией ребят мы тайком от воспитателей пионерлагеря “Медик”, что был возле Сёл, совершили поход военно-поискового плана. На дне озера хрустально-ледяная вода хранила диск от ППШ,

Святослав КЕТЛЕРОВ,
Нелидово

Окончил Всесоюзный заочный политехнический институт (инженер подъемно-транспортных машин) и институт при ВОИР Калинина (общественный патентовед и преподаватель основ технического творчества). Работал на нелидовском ДОКе, заводе «Гидропресс», преподавал в нелидовском колледже (мастер производственного обучения).

Сейчас пенсионер. Занимается огородничеством.

Стихи пишет со школьных лет. Автор двух сборников стихов.

немецкий стальной футляр, похожий на термос и что-то вроде гранаты. Всё это виделось с полусгнившей плотины уже без мельницы. Реальным трофеем была пулеметная гашетка с деревянными ручками. От “Максима” – со слов ребят чуть старше. Порицания и опасения взрослых о реальной опасности поисковых мероприятий всегда проходили мимо ушей и внимания, всё наше поколение старательно копало в местах с военным прошлым.

Через некоторое время чары развалин и войны сменились другими. Отец отвез меня как-то на место, где сам в детстве ловил раков, благо что новая дорога Москва – Рига прошла совсем рядом. Речушка Паникля в этом месте не понижается, не уходит под землю, а замысловато виляет от ямы до ямы среди холмов.

Насколько эти события авторитетны для детства и юности говорит тот факт, что москвич Борис, с которым мы тогда подружились, уже в Москве, после армии представлял меня так: «Его зовут Слава, мы с ним ловили вот таких раков». Чары прошлого были и здесь. Явно рукотворная дамба, останки плотины очередного каскада и совершенно непонятного назначения прямоугольная яма на поляне – колодец на заливаемом лугу в двадцати метрах от берега?

На место бывшего озера я вернулся позже. Увлеченные аквариумисты, мы с другом Виктором обследовали дно и берега ручья от святого источника и обнаружили массу окаменелостей. Лучшие камни в наших аквариумах были отсюда, а чары прошлого расширились до древних морей и их обитателей. Не мог я равнодушно видеть (всегда подбирал) окаменелости древней жизни с возрастом в миллионы лет. Как они здесь оказались? Древнее морское дно здесь выступает на поверхность или его часть привнесена издалека ледниками? Эта тема вроде бы была достаточно глубоко затронута, но судьба и мой старенький ноутбук, который я осваиваю методом “тыка”, в очередной раз привели меня в Тверь к Виктору и его другу Сергею, который оживляет усыпляемый мною ноутбук. В этот раз полный благодарности к друзьям, прочитал им этот рассказ. Виктор, полный ностальгических воспоминаний, подарил мне книгу “Природа и хозяйство Калининской области (ученые записки естественно-географического факультета КГПИ)”. Уже в автобусе, увозившем меня в трудовую Москву, я понял, что рассказ придется дополнить и углубить в историю до палеозойской эры.

«В первую половину верхнедевонской эпохи вся территория области заливалась морем. В конце этой эпохи благодаря поднятию территории, море уходит к востоку и в ней накапливаются континентально-лагунные отложения. Сравнительно близкие от поверхности девонские породы залегают только в западной части Калининской области... В г. Торопце девон вскрыт на глубине 50 м, на станции Зап. Двина – около 45 м.»

Перспектива подъема прямо таки в сторону Каменки, где наблюдается окно в мир конца палеозойской эры? Это могло бы стать научной сенсацией, но «территория Калининской области пережила неоднократное обледенение. Каждое из них оставило после себя раз-

нородный комплекс пород, но не все горные породы сохранились в одинаковой степени. Породы, отложенные самым древним ледником, были разрушены и в значительной степени изменены при наступлении на ту же территорию последующих ледников. По вопросу о количестве оледенений... среди геологов нет единого мнения... С.А.Яковлев приводит схему..., где выделяется до семи оледенений... Ознакомление с многочисленными разрезами буровых скважин и другими материалами дает основание выделить пока на территории области только три ледниковых комплекса, соответствующим трем оледенениям: лихвинскому (окскому), днепровскому и валдайскому... Южная граница валдайского оледенения может быть проведена по конечноморенным грядам от г. Белый на г. Старицу...»

Всё здесь, всё рядом! «Карстовые формы рельефа не нашли широкого распространения в Калининской области. Карстовые процессы проявляются там, где близко к поверхности расположены карбонатные известняки... Чаще всего карстовые процессы приводят к образованию карстовых котловин округлой формы..., в Нелидовском районе они встречаются чаще и достигают иногда большой глубины и крупных размеров (верховье реки Межи, сёла Ключевое и Ржаное). В этом районе имеются даже карстовые речные долины: так река Паникля (приток реки Межа) имеет на протяжении 3 км подземную провальную долину, которую проложила в известняках».

Наверное, какими-то косвенными методами можно установить время, необходимое для такого труда, и вернуться к проблеме нашего землячества с живыми доокаменелостями с определенной точностью. Думаю, что в наших краях последний ледник некоторое время как бы остановился, позволив рядом с будущим городом прижиться морошке, до настоящего времени украшающей мхи южнее и западнее города.

Конкретную горечь воспоминаний придают непоправимые глупости. Начну с того, что в лесах наших до сих пор можно найти останки солдат, так и не приданных земле. Собирая грибы в районе Паникли, мы с отцом набрали на фрагменты двух скелетов возле трухлявого ствола дерева. С тяжелым вздохом батя по полусгнившим противогазным банкам определил: «Наши лежат». Это было прочувствовано сильнее зашкаливающих воспоминаний его земляка

об участии в захоронениях войны, когда павшие на поле боя к весне под снегом лежали в пять ярусов! Когда-то считалось необходимым сковать здесь немцев и недопустить переброски резервов под Сталинград. Баланс Сталинградской битвы этими потерями вряд ли отягощен, там своих потерь хватало.

Скорее всего, надрывный труд и отсутствие времени (выживали!) местных жителей привел к исчезновению прицерковного кладбища (более позднее расположено чуть ниже). Церковный холм использовался в дорожном строительстве, и валяющиеся черепа были обыденностью.

Как-то раз мы с другом Петром (по двадцать с лишним лет балбесам!) после археологического обследования родника, где находками были ржавый пулеметный ствол и стекло бутылок, в т.ч. темное днище с большой буквой D, заглянули в карьер наверху. На срезе земли на двух уровнях явно просматривались какие-то включения неприродного происхождения. Податливость песка сначала обнажила потемневший череп снизу. Верхние останки сначала возбудили: зеленое сукно! Думали, найдем трофеи – немецкие воинские атрибуты, но когда обнаружились маленькие перламутровые пуговицы, появилось чувство соучастия в преступлении. Хотя материализм очень сильно нивелировал священность жизни и смерти, душу обмануть невозможно.

Позже от тётки Шуры Шапоревой я узнал, что на холме у немцев стояла артбатарей. Чувство вины сильно до сих пор. Когда-то силами учащихся целой группы в походе выходного дня хотелось навести здесь порядок, очистить родник и окультурить место. Не получилось. Думаю, необходимость очищения меня к этому вернет, если там ещё не частное владение. А дорога жизни приведет однажды в Смоленский архив не из любопытства, а для познания родства. К слову, может быть, найду и могилку деда Николая Павловича возле Михайловки, которая севернее Твери.

* Прана (санскр. prāṇa – букв «дыхание» или «жизнь») – в йоге, традиционной индийской медицине, эзотерике – представление о жизненной энергии, жизнь. В йоге считается, что прана пронизывает всю вселенную, хотя и невидима для глаз.

ЗИМНИЙ МОТЫЛЕК

Светлана ТИМОФЕЕВА,
Западная Двина

Пятилетняя девочка Катя с нетерпением ждала Нового года. Она знала, что это самый чудесный праздник – на него всегда дарят подарки, вкусно накрывают стол, веселятся до утра и вообще, на этот праздник всегда происходят чудеса... До этого ей не удавалось еще ни разу досидеть до полуночи, когда приходит Новый год, всегда дед Мороз приходит тогда, когда она уже спала. Свои подарки Катя находила на следующий день под ёлкой. В этом году Катя хотела непременно дождаться Деда Мороза и попросить у него в подарок белого пушистого котеночка с голубыми глазами. Она и имя ему придумала – Мотылёк. Мама и папа не хотели подарить ей котенка, а Дед Мороз обязательно подарит, он добрый, всегда исполняет все пожелания.

И вот предпраздничная суета в доме. В гостиной уже стоит ярко наряженная ёлка и сверкает огнями и мишурой. Под ёлкой пока пусто, ничего нет – Катя уже проверяла. Там только пахнет елочными иголками и таинственно мигают огоньки гирлянды. В комнате стоит стол, накрытый праздничной скатертью, на нем стоит пустая посуда и вазы с фруктами и конфетами. Бабушка следит, чтобы Катя не ела много мандаринов и конфет, но Катя и сама знает, что много нельзя. А вот сколько это – много – она не знает. Парочку мандаринов и штук пять конфет она уже съела. Кате скучно, и она пытается всем помогать, но взрослые почему-то думают, что она путается у них под ногами. Вот хотела помочь папе завязать галстук, но не получилось: это дело папа доверяет только маме, у нее лучше всех получается. А мама расстроена: платье, которое она недавно купила, ее почему-то полнит. Папа советует

надеть другое, синее, которое ей очень идет. Мама сердится:

– Этому синему уже сто лет! Я в нем была на прошлый Новый год.

Папа отвечает:

– Но у тебя же целый шкаф платьев, выбери что-нибудь! Ты каждый месяц себе платье покупаешь, а надеть нечего!

– Тебе все равно, что на мне надето! – возмущается мама. – У всех мужья как мужья, а ты у меня как равнодушный чурбан!

Папа что-то отвечает, но Катя уже не слышит: вышедшая из кухни бабушка зовет ее помочь поставить тарелки на стол.

– Бабушка, – шепчет Катя, – они же поссорились! Скоро праздник, и я, наверное, останусь без подарка вообще.

– Не останешься, внученька, все будет. И родители помирятся, вот увидишь!

Бабушка ушла в магазин, в комнате родителей стояла тишина: они все еще сердились друг на друга и не разговаривали. Катя пошла в гостиную, подошла к окну и стала смотреть на улицу: там шел снег и укрывал белой пушистой шапкой деревья и дома. Девочка подумала о том, что попросит у Деда Мороза такого же белого котенка, как этот снег. Потом она залезла в большое кресло, стала смотреть на елку. Смотрела-смотрела, и тихонько уснула.

И снился Кате удивительный сон. Будто уже наступил праздник, и все собрались за столом: бабушка, мама и папа, а еще пришли дядя Леша, мамин брат, с женой тетей Таней и папин друг Николай с женой Валентиной. За столом было весело и шумно, все разговаривали и смеялись. И вот в разгар веселья в комнату вошел Дед Мороз в красной шубе и белой шапке с большим мешком за плечами. Из этого мешка Мороз доставал подарки и всем дарил. Папа обнимал маму за плечи и смеялся, как маленький. Без подарка пока оставалась только Катя. Дед Мороз полез рукой в мешок и огорченно посмотрел на Катю: мешок был пуст. Тогда Дед сунул руку в свой большой карман и что-то там нащупал. Улыбнувшись, он подошел к девочке, подхватил ее на руки и понес из комнаты. От деда Мороза пахло мандаринами и почему-то папиным табаком, а борода его колола Кате щеки и шею. Ей было щекотно и смешно и нисколько не обидно, что не досталось подарка, как всем. Ведь сам дед Мороз нес ее на руках по своему волшебному царству! И, самое главное, папа и мама наконец помирились!

... Когда Катя проснулась, было раннее утро, в доме еще все спали. Девочка тихонько встала и пошла в гостиную. Елка по-прежнему таинственно мерцала огоньками. Но под ёлкой были подарки! Там лежали коробочки и пакетики разной величины. Подарки были от родителей, бабушки и от вчерашних гостей,

которых Катя так и не встретила, пропустив весь праздник и все самое интересное. Катя искала самый главный подарок от деда Мороза, но его не было. За этим занятием девочку и застали родители, вошедшие в комнату. Они стояли в дверях и смотрели на Катю, ползущую под ёлкой.

– Нет, ничего мне Дед Мороз в этом году не подарил, все подарки у него закончились, мне не хватило, – огорченно вздохнув, сказала Катя.

– Как это закончились? Не может быть! У деда большой мешок был вчера, и там на дне ещё что-то оставалось, – сказал папа.

– А вот и сам мешок, и там что-то есть. – Мама сняла с кресла, в котором Катя вчера уснула, большой красный мешок. – Открой, посмотрим, что там.

Девочка почти с головой забралась в этот огромный мешок, там кто-то шевелился! И еще светились в темноте два зеленых огонька! От неожиданности Катя выронила мешок и спряталась за папу.

– Кто же так напугал нашу Катю? – спросил папа и легонько потряс развязанное горлышко мешка. Из мешка, зевая и шурясь от яркого света, выпал маленький белый котенок с голубыми глазами!

– Мотылек! – закричала Катя и схватила котенка на руки. – Это мой Мотылек! Дедушка Мороз не забыл про меня!

– Конечно, не забыл. Ты же так хотела получить этот подарок. Надо будет поблагодарить дедушку Мороза за то, что исполнил твоё желание, – сказала мама.

Девочка подошла к окну и увидела высоко в небе большое синее облако – на нем дед Мороз улетал к себе в свое волшебное царство. Катя прошептала тихонько:

– Спасибо тебе, дедушка, за подарок. На следующий год ничего мне не дари, только сделай пожалуйста так, чтобы папа и мама больше не ссорились никогда, я очень тебя прошу.

Облако покачало Кате на прощание большими крыльями и скрылось из виду. Сзади подошли родители, и папа подхватил Катю вместе с Мотыльком на руки. Она прижалась к папиной щеке, которая кололась точно так же, как борода деда Мороза в ее удивительном сне. И пахло от папы так же, как от деда Мороза. «Какой удивительный праздник все-таки Новый год!» – подумала девочка. Она еще верила в чудеса и ждала их от волшебника. А ее родители думали иначе: все чудеса на свете вершим мы сами для своих близких, а они в свою очередь – для нас. И получается, что волшебники мы сами, если умеем сотворить чудо, в которое кто-то еще верит и ждет его. И в наших силах сделать так, чтобы человек как можно дольше верил в чудеса. И пусть они случаются в нашей жизни не только под Новый год, а постоянно, всегда.

НИКУДА НЕ СПЕШИТ СТУДЕНТ...

Когда темным осенним утром промозглый ветер с Финского залива перекатывает по асфальту опавшую, набухшую листву и раскачивает тусклые мокрые фонари, освещающих спешащих на работу безликих прохожих, то кажется, что весь мир грязен и сер, как это ленинградское утро. В желтом неестественном свете поблескивают прилипшие к земле мертвые листья и дергающиеся от порывов ветра черные зонты угрюмых людей... И только один человек – одинокий студент, может быть, единственно счастлив среди этой обреченно шагающей толпы. Замерзший и ссутулившийся, спрятался он от мелкой мороси под ржавым навесом только что открывшегося пивного ларька. Никуда не спешит студент, греет он замершие руки о подогретую кружку с бочковым бархатным «Бароном» и потягивает его мелкими глотками, наслаждаясь вкусом свежего пива. И нет у него денег на повтор, но счастлив он, зная, что счастье его мимолетно и закончится с последними каплями того чуда, что стынет в мутной, замызганной стекляшке. И медлит он, стараясь на всю жизнь запомнить вкус, который, может быть, никогда больше ему не ощутить.

Иван Кирпичев

***

Купаясь ночью в серебристой
Реке под чарами луны,
Я забывал про берег мгlistый,
Про жуткость тёмной глубины.
Я забывал причал условный,
Условный мир концов, начал...
Меня поток над глубиной тёмной
Волной серебряной качал.

*Алексей Рожников,
Белый*

***

Хрусталь росинок, паутинок нити
Соткали серебром на зорьке шаль.
Родной природы русской здесь
обитель –
Раздолье для души и вширь и вдале.
Над сонной речкой – белые туманы
И пряный запах мяты луговой.
Счастливый от любви, немного
пьяный,
Соловушка распелся удалой.
Не надо слов, достаточно объятий
И головы, склонённой на плечо.
Шагает лето в разнотравном платье,
И встало солнце в небе горячо.

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*

***

Мелкотемье, мелколесье,
птичий клёкот в поднебесье
о невыплаканной доле,
о несбывшейся судьбе.
И никто не приневолил
о предательстве и боли
вспоминать, но ветер в поле
снова плачет о тебе.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

***

Ни шороха стороннего, ни звука,
Томится мгла ночная тишиной,
Лишь слепо время чертит контур
круга,
Да каплет дождь осенний за стеной.

По потолку крадутся чьи-то тени,
Испуганные светом фонаря,
И вздрагивает стрелка, точно
пленник,
Заслышавший глухой шаг ключаря.

Змеятся по стеклу сплошным
потоком
Тугие струи мутного дождя,
И смотрит полночь кровожадным
оком
Всю душу этим взглядом бередя.

А кто-то за окном во тьме хохочет,
Украден свет испуганной Луны,
Холодное дыханье странной ночи,
Где наяву пророческие сны.

Скрипят врата открывшихся
порталов
В миры, где дремлют чьи-то
божества,
И стонут в глубине сырых подвалов
Неведомые людям существа.

Что спрятано за этими часами,
Какие тайны скрыты навсегда?
Неслышными короткими шагами
Проходит ночь куда-то в никуда.

*Иван Кирпичев
Нелидово*

***

Тусклое небо застиранной
простынью.
Серое, как беспросветная ложь.
Хвостал-заманивал жемчугов
россыпью.
Жарко шептал – в соболя обернёшь.
Те жемчуга-ожерелья не ношены.
Холодом жгучим на белую грудь.
Тропки к крыльцу моему
запорошены.
Ни соболей, ни тебя не вернуть.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

ТАДАСАНА

Как-то раз взялась Светланка
Исправлять свою осанку.
Согнала себя с дивана,
Стала в позу Тадасана.
Просто чудо – а не поза!
Каковы метаморфозы!
Удивляются соседки:
«Неужели это Светка?
Хороша-а! Какая стать!»
Никогда им не узнать,
Что виной всему асана
Под названием Тадасана.

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

***

Дождь всё идет. Под ним сирени
и отцвели и порыжели.
Лечусь малиновым вареньем –
все вещи в доме отсырели.
Журчанье, шлепанье и шорох –
ложись да спи. А мне не спится –
и холодно, и на заборах
остались коврики сушиться.
Размеренный и непреклонный
стук капель в банку жестяную...
Водю залит подоконник –
сменила тару не одну я.
Что там течет – наличник, стены?
Я в этом разберусь едва ли.
Всё к счастью комнатных растений –
они здесь тоже постояли.
Пусть хоть на что-нибудь сгодится
вода всемирного потопа...
А то ведь как за ней сходить-то?
И далеко, и неохота.
Не принесла ни дров, ни хлеба.
Сидим в тиши и полумраке,
в сетях дождя, в плену у неба –
я, два кота и две собаки.

*Людмила Власова,
Вышний Волочек*

Непара

* * *

Июль. Седыми тротуарами,
Переча собственной судьбе,
Пройдут то голуби непарами,
То люди – сами по себе.
А я без пошлой лапидарности
Итожу, глядя сквозь окно:
«О нравы! Видимо, о парности
Никто не парится давно!».

**Игорь Столяров,
Нелидово**

НЕПАРА

На почве поэзии мы – два растения...
С. Кетлеров

Весна. Поэзия. И общий огород.
Пускай ты и обычная Крапива,
Проста, скромна, но жгуча и
строптивая.
Нам дружной парой не возлечь на
бутерброд.

Я Топинамбур, благородный
корнеплод,
И гордо числюсь земляною грушей.
Но блюдо есть, в котором вместе
скушать
И восхвалить союз удачный мог
народ.

Я не зову тебя в банальнейший
омлет.
Какое наслаждение в окрошке
С тобою покоренной слиться,
крошка,
Ну а тебе со мною рядом –
разомлеть.

Изыщность вкуса различит и
человек
И возвестит с искусностью Моэма:
«Нет, это не окрошка, а поэма».
И ты поверишь: я отменнейший
стратег.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

* * *

Перепёлка-перепёлочка,
Дивчина-красавица,
Глаз зеркальца, чёлочка,—
Всё в тебе мне нравится.
Умираю от печали,
Заедает грусть:
Мне твои глаза сказали,
Что не пара, ох не пара
Перепёлке гусь.

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

* * *

Я с детства в тебя был тайно
влюблен,
Я жгучий брюнет, а ты словно лён...
И всё не пойму в чём наше родство?
Я лето люблю, ты снег в Рождество!
Я солнечный день, в нём воду и свет,
Ты – лишь полумрак, и свой
кабинет,
Я верю в людей, их тёплым словам,
Ты только себе, и крупным деньгам.
Ты хочешь уплыть к чужим берегам,
Меня же влечет в тайгу, к комарам.
Ты любишь лангет и сладкий ликёр,
Я – хлеба кусок, чай, кашу, костёр...
Придумал мечты, живу их любя,
И так до сих пор не встретил тебя.

**Иван Кирпичев,
Нелидово**

КАЗИНО

Не жизнь, а казино, попасть бы
только в лузу.
Прогоркшее вино стараемся не
пить.
Наверное не быть любовному союзу,
ведь проще не любить и сердце не
травить.
Усталая душа всё плачет и
трепещет,
игра любви прошла, и бесконечен
путь.
А на Земле осталось так много
светлых женщин,
которым о тебе осталось лишь
вздохнуть...

**Раиса Маккар,
Торопец**

* * *

Мы шли с тобою рядом. В ногу.
Молчали каждый о своём.
Вдруг черный кот – через дорогу...
И схоронился под кустом.

Горюшка – слева, справа – речка.
Не обойти «примету» нам!
– Пойдём назад, не будь беспечной,
Не стоит рисковать, мадам!

– Фи! Испугался чёрной кошки?
И веришь в эту чепуху!?
Знать, разные у нас дорожки,
Скажу тебе, как на духу.
И разошлись...

**Светлана Виноградова,
Нелидово**

РОМАНС НЕЗНАКОМКЕ

Не спрашивайте, право, ни о чём,
не нарушайте этого безумства –
сидеть вот так, без смысла и без
умысла
слегка до вас дотронувшись
плечом...
Не спрашивайте, право, ни о чём.

Не разрушайте светлый образ свой
банальностью о моде и погоде,
о вашем скушном, незнакомом городе,
где жарко летом, холодно зимой...
Не разрушайте светлый образ свой.

Он так прекрасен, что понятен мне
порыв, в котором не один художник,
холста касаясь кистью осторожно,
творил то божество на полотне,
что можно видеть лишь в
волшебном сне.

О, как близки мы! Как мы далеки!
Мирок купе нас сжал в своих
объятьях,
и – боже ж мой – как больно
разрывать их,
как две сплетённых накрепко руки.
Как мы близки! О, как мы далеки!

Да будет ли нам этот жест зачтён,
холодность наша, наше равнодушие?
Огонь, что так безжалостно потушен,
не возгорит ни завтра, ни потом.
Не спрашивайте, право, ни о чём...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

* * *

Мы разные. Двух одинаковых на свете
нет
По внешности и внутреннему миру.
Кто бизнесмен, кто пахарь, кто поэт –
У каждого свои кумиры.
У каждого своя судьба,
Свой дом, семья, своя работа.
Кому мила чужая сторона,
Покинуть край родной не хочет
кто-то.
Укаждого своя мечта,
Свой крест, заботы и тревоги,
Своя обетованная земля,
Своя религия и боги.
Мы разные. У всех свой путь,
Извилист, крут, тернист и труден.
Мы разные. Но пусть когда-нибудь
Счастливыми по-своему все будем.

**Людмила Леоненкова,
Бельый**